

УДК 930.1:338.2)

Л.Б. Биниконский

Историческая наука в условиях рыночной экономики

The historical science in the conditions of the market economy

В статье рассмотрено воздействие общественных преобразований в России 1990-х гг. на развитие исторической науки и образования. Основное внимание автор уделяет состоянию вузовской науки на российском Дальнем Востоке.

Ключевые слова: *историческая наука, общественные преобразования в России, российский Дальний Восток, рыночная экономика.*



The influence of public transformations in Russia of 1990th on the development of historical science and education is considered in the article. The author gives the main attention to the condition of the high school science in the Russian Far East.

Key words: *historical science, social transformations in Russia, the Russian Far East, market economy.*

Беру на себя смелость утверждать: сегодня всё измеряется понятием "рынок", в том числе, на наш взгляд, историческая наука и образование, которые, казалось бы, далеки от этого понятия. Тем не менее, любая наука имеет свою цену, хотим мы этого или нет.

Экономический кризис, охвативший все сферы народного хозяйства СССР в середине 80-х гг. XX столетия, не мог обойти образование и науку. С этого времени система образования и наука стали испытывать острую нужду в средствах и, фактически, стремительно катились навстречу рынку, который, действительно, мог бы помочь приобрести требуемые средства при условии правильного взаимодействия рынка и науки, что давно уже было апробировано на Западе. Эта тенденция ясно проявилась в начале 90-х гг. в назревшей реформе высшей школы России.

Реформа высшей школы, проведённая в 90-х годах, была основана

полностью на принципах рыночной экономики. Она предполагала отказ от централизованного управления образованием, усвоение западного опыта подготовки специалистов, в том числе многоуровневое образование в соответствии с западными моделями, нацеленность на мировые стандарты подготовки специалистов. Однако это касалось в основном тех профессий, которые были востребованы рынком. Профессии исторического профиля, формирующие, как известно историческое сознание и, в частности, его институциональные воплощения, в категорию востребованных, к сожалению, не входили.

Чтобы осуществить реформу на практике нужны были огромные деньги, которых в условиях кризиса экономики негде было взять, и выделяемые на образование и науку ресурсы, едва-едва составлявшие 30-40% от необходимого, покрывали лишь нищенскую зарплату преподавателей, научных работников и стипендии студентам. По мнению президента Российской академии образования Николая Никандрова: "В 90-е годы из-за недофинансирования и уничтожения традиций воцарился хаос, качество образования упало катастрофически. По ряду показателей Россия оказалась в пятом десятке стран мира" [6]. А если к этому добавить развал материальной базы, сокрушительный удар по социальному статусу учителя (преподавателя) и научного работника – картина положения образования и науки будет полной.

Унаследованные от Советского Союза образование и наука без всякой подготовки оказались в условиях рынка: рынка дикого, безжалостного, не оставлявшего выбора для большинства работников этой отрасли. Нищие, но гордые преподаватели и научные сотрудники, жившие надеждой на то, что всё образуется, продолжали гореть энтузиазмом и безропотно тянуть свою лямку. Однако, через некоторое время они стали осознавать реалии происходящего: рынок, о котором так много говорили демократы (вспомните известное: социалистическая революция, о которой так много говорили большевики), переворачивал все представления о разумном, добром и вечном. И в этом рынке те, кого они учили, адаптировались гораздо быстрее, чем сами учителя. Опросы общественного мнения, проводимые в то время, показывали, что большинство россиян не понимало или не желало рынка и демократии [11, с.88], и тем более "реформ", представляющих собой непрерывный "процесс разграбления, обнищания, демодернизации и дестабилизации России" [11, с.11].

Вспоминаю своих студентов Дальрыбвтуза, где я работал в начале 90-х гг. на кафедре истории и философии, спрашивавших меня с огромным любопытством: "Сколько зарабатывает в месяц доцент?". И когда я, прибавив от стыда к своей грошовый зарплате, сотню-полторы, озвучивал её, студенты дружно смеялись¹ и задавали недоумённый вопрос: "Так зачем и за что вы работаете?". И приглашали меня пойти с ними в море, где есть возможность подзаработать.

Постепенно всё становилось на свои места: образование и наука приспособивались к рынку, в большей степени – кадры. Кто-то выехал за границу, часть ушли в коммерцию и производство, остальные остались на местах, в том числе большинство представителей исторической науки, не видевшее себя в рыночных отношениях и не востребованное на Западе.

Что касается вузов, то они вынуждены были постепенно переходить к коммерческой подготовке специалистов, к чему толкало их кризисное состояние высшей школы, отсутствие средств на оплату труда преподавателей и оснащение лабораторий и кабинетов, вопреки положению Конституции РФ о бесплатном государственном образовании [9].

Пограничное положение Дальнего Востока России способствовало

¹ Автор использовал в данном месте более сильное выражение (Прим. ред.)

установлению связей вузов региона с учебными заведениями стран АТР. Первые контакты были осуществлены ещё в 1988 – 89 гг. ДВГУ, например, имел в то время соглашения с университетами США, Японии и Республики Корея. В 1990 г. исторический факультет университета оказал содействие Орегонскому историческому обществу (США) в проведении выставки музея штата Орегон. Выставка проходила в течение двух месяцев в залах Краеведческого музея им. В.К.Арсеньева.

В 1991 г. во Владивостоке на базе ДВГУ Правительство Российской Федерации специальным Постановлением разрешило провести 3-ю конференцию президентов университетов и директоров научно-исследовательских институтов стран АТР и европейских стран. Важнейший итог этого мероприятия – целенаправленная деятельность дальневосточных вузов по установлению связей с ведущими учебными заведениями США, Китая, Японии, Республики Корея, Вьетнама, Индии, Великобритании, Германии и Голландии [2].

Рассматривая перспективы взаимодействия с учебными заведениями стран АТР, руководители дальневосточных вузов были уверены, что готовить специалистов по новым профессиям следует в России, но с учётом мировой практики и с привлечением зарубежных профессоров, имеющих опыт подготовки таких специалистов в условиях рыночной экономики и знающих законы рынка не понаслышке. На начальном этапе нужно было только овладеть опытом привлечения зарубежных специалистов в систему российского высшего образования, а для этого нужны были средства и не малые. Государство дать нужного количества средств не могло, необходимо было самим учебным заведениям думать, где найти необходимые суммы.

Новая рыночная концепция образования, ориентированная на мировые стандарты подготовки специалистов, обусловила необходимость гуманитаризации технического образования. Это нашло своё выражение, прежде всего в переименовании технических вузов в университеты. Однако переименование в университеты ещё не означало нового качества образования. Большинство вузов Дальнего Востока продолжали готовить специалистов по старым программам, старым перечням профессий и на старой материально-технической базе, что снижало уровень подготовки выпускников по сравнению с новыми приоритетными профессиями. К тому же, увеличение численности молодых специалистов-выпускников вузов, обострило проблему их трудоустройства, которая, в связи со сложившейся экономической ситуацией, оставалась в эти годы острой в целом по стране, и на Дальнем Востоке, в частности. Это привело к тому, что специалисты многих направлений, которых готовили вузы, оказались невостребованными рынком. По данным статистики, около 70% выпускников в конце 90-х гг. не смогли найти работу по специальности, и вынуждены были трудоустроиваться на любые должности, дающие хоть какой-нибудь заработок [8].

Вхождение страны в рыночные отношения, расширение внешнеэкономических связей Дальнего Востока ставят задачу подготовки высококвалифицированных кадров по многим направлениям, в том числе в области государственного, муниципального и хозяйственного управления, способных эффективно работать в условиях рыночной экономики. ДВГУ чутко реагирует на требования рынка и в начале 90-х гг. формирует кафедру международных экономических и гуманитарных отношений (кафедра экономики и финансов стран АТР). Началась разработка плана подготовки специалистов в области международных экономических отношений и менеджмента в соответствии с мировыми стандартами на базе российско-американского факультета, создаваемого по договорённости с Мэрилендским университетом в США.

Ориентация на развитие рыночных отношений привела к открытию новых специальностей. Дальневосточный Государственный Университет, наряду с другими вузами Дальнего Востока, стал осуществлять набор студентов на платной основе, как по имеющимся специальностям, так и по открывающимся новым, которые были востребованы рынком и определялись как приоритетные. Учитывая экономическую ситуацию, сложившуюся на Дальнем Востоке, администрация Приморского края утвердила перечень приоритетных для края специальностей. Значительную часть перечня заняли 94 технические специальности, охватывающие области инженерно-технических и сельскохозяйственных наук, педагогики, медицины, экологии и рыбного хозяйства [3].

Однако проведённый ещё в середине апреля того же 1998 года социологический опрос выпускников 9-11 классов показал, что профессии сельского хозяйства, промышленности, строительства, транспорта и педагогики попали в разряд менее желанных по сравнению с управлением, менеджментом, юриспруденцией, коммерцией, бытовым обслуживанием, торговлей, профессиональной службой в армии [16]. Результаты опроса свидетельствовали о том, что в России произошла резкая смена системы ценностей, и это не могло не повлиять на мотивацию школьников. Раньше детям внушали, что главное – развитие личности, материальному не следует уделять большого внимания. Теперь же победил культ стяжательства. Материальная выгода стала восприниматься как смысл жизни, а духовные потребности стали вторичными.

Если исходить из того, что педагогика так или иначе связана с подготовкой кадров учителей и преподавателей, в том числе и по специальностям, связанным с историческими науками или близко к ним стоящим, то можно сделать вывод, что данные профессии, как невостребованные, должны были бы прекратить своё существование. Однако они устояли, хотя набор на исторические профессии на платной основе делался с большим трудом и состав студентов по уровню знаний оставлял желать лучшего. Тем не менее, можно сказать, что сейчас кризис, в основном, преодолён. Об этом говорят результаты приёма абитуриентов в 2008 г. по институту Истории, философии и культуры ДВГУ – 4 человека на место, хотя старая тенденция приоритетности сохраняется и сегодня.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опубликовал рейтинг удовлетворённости россиян своей профессией. В нём оказалось много сюрпризов. Например, финансисты, хоть в мире бушует кризис, довольны своей жизнью больше всего – видимо бонусы и премии сократили ещё не всем. Второе место по удовлетворённости занимают парикмахеры, а далёкие от физического труда и весьма высокооплачиваемые адвокаты – только восьмое. Совершенно отдельно стоят профессии "начальник", "менеджер", "администратор". Начальники заняли твёрдое 10-е место – с оценкой от "полностью удовлетворён" до "скорее удовлетворён". Те, кто называет эту же работу заморским словом "менеджер", довольны ею меньше и занимают только 20-е место, а "администраторы" лишь 33-е. Возможно, всё дело в сложившихся в обществе традициях называть одну и ту же профессию разными словами в разных ситуациях.

Это же можно сказать и об удовлетворённости от труда "преподавателя" – 12-е место, и "учителя" – 19-е место. Первый почти наверняка работает в вузе, второй – в школе [7]. Появление на первых двух местах профессий финансиста и парикмахера для экспертов кажется весьма естественным. Кроме величины зарплаты важна личная оценка работы, её престиж в обществе, считают они. На наш же взгляд, – это не естественно, и свидетельствует, образно говоря, о том, что "всё смешалось в доме Облонских". Если в достопамятные "застойные годы" самыми пре-

стижными были профессии инженера, врача, учителя (преподавателя), то сегодня – финансиста и парикмахера. Как говорится: за что боролись, на то и напоролись. По всей видимости, стране менее необходимы первые и более – вторые. Хотя и невооружённым глазом видно, что, допуская подобные перекосы, государство, рубит сук, на котором сидит.

Собирая материал для статьи, я побывал в школах Владивостока и провёл небольшое социологическое исследование с целью ознакомления с кадрами преподавателей-историков. Вопросов было немного: возраст, по какой профессии окончил университет, стаж преподавания истории, суммарная заработная плата. Результаты впечатляют: молодых преподавателей в посещённых школах практически нет; 85% историков – выпускники исторического факультета ДВГУ; стаж преподавания от 10 до 30 лет и выше; заработная плата – 10 – 12 тысяч рублей в месяц. Казалось бы, всё хорошо: историки в школах есть, и преподавание истории ведётся. Однако есть несколько "но", что заставляет задуматься. Заработанная плата, озвученная преподавателями, – за 36 – 40 часов работы! (Иначе не выживем!) И сразу же возникает вопрос: Какое может быть качество преподавания, если преподаватель (учитель) каждый день имеет 6, а то и 8 уроков? И прав был директор Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН В.Л. Ларин, когда утверждал, что "школа – источник знания для дальневосточников лишь на 20%". А если к этому добавить, что историю в школах ведут порой преподаватели начальных классов, воспитатели, преподаватели физкультуры и учителя других предметов, то эта цифра будет значительно меньше. Большинство учителей-историков, работающих в школах, имеют значительный стаж работы, и, связав этот стаж работы с возрастом учителей (средний – 55 лет), можно сделать вывод: молодёжи в числе учителей-историков – единицы. И давайте попробуем ответить на вопрос: что будет делать государство через 10 – 15 лет, когда нынешние "мастодонты" уйдут на пенсию или вымрут?

Оглядываясь на постперестроечный период, следует отметить, что ДВГУ не только полностью сохранил перечень профессий "исторического профиля", подготавливаемых в университете, но и открыл новые профессии. В 1991 г. был объявлен набор студентов на факультет политологии – первый и уникальный для России факультет по подготовке политологов-профессионалов, управленцев, политиков. В составе факультета было две кафедры – общей политологии и политических процессов Дальнего Востока. Подготовка специалистов в области политических отношений была положительно воспринята Министерством образования РФ, о чём свидетельствовала его поддержка ДВГУ при открытии аспирантуры и создании Совета по защите диссертаций на соискание степени кандидата политических наук.

Несмотря на нехватку средств, в 1993 – 1995 гг. формируется ряд новых кафедр: археологии, этнографии и истории мировой культуры. Была осуществлена давно уже вызревавшая идея об организации философского образования. Для этого имелись квалифицированные кадры философов, контингент будущих студентов, были разработаны учебные планы. Первый шаг был сделан в 1994 г. – на историческом факультете открылось отделение философии. Факультет стал называться факультетом истории и философии (ныне – Институт истории, философии и культуры). В 1999 г. на факультете было создано новое отделение – религиоведения и теологии.

В 90-е годы руководство университета формулирует новое направление структурных изменений, заключавшееся в создании системы институтов, что создавало единый университетский механизм, способный выстоять в условиях рынка. Система включала разные типы институ-

тов в сочетании с факультетами, оставшимися до поры до времени вне конкретных институтов. В 1997 г. было создано сразу три института, в том числе Владивостокский институт международных отношений Азиатско-Тихоокеанского региона (ВИМО АТР). Соучредителем ВИМО АТР выступил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), с которым ДВГУ подписал договор о сотрудничестве в деле подготовки специалистов-международников.

Преподавательский корпус и учёные-историки, несмотря на огромные трудности материального и морального свойства, были верны своему делу, понимая, что историческое образование и историческая наука остаются актуальными и в практическом и в теоретическом плане и, говоря словами В. Маяковского, никогда не будут "сброшены с корабля современности". Росло и понимание того, что в гуманитарном образовании и науке (прежде всего, в исторической, политологической, филологической и экономической) необходимы перемены.

Политизация исторической науки уходила в прошлое, уступая место объективному и беспристрастному изучению научных проблем. Менялись методологические ориентиры; получили распространение: цивилизационный подход, идея глобализации исторического процесса; обозначились темы, ранее закрытые для исследования. Учёные получают возможность использовать в своих трудах новые источники, нарастает процесс пересмотра научных представлений, позволяющий по-новому оценить важнейшие события прошлого и настоящего. Возвращены к жизни концепции, выработанные исторической наукой во второй половине XIX – начале XX вв.; регионалистика воспринимается как актуальный принцип и направление исторических исследований; в науку возвращаются забытые имена дальневосточных учёных, таких например, как Сергей Михайлович Широкогоров, труды которого широко известны за рубежом и почти неизвестны в России. Научное сообщество кровно заинтересовано в получении ответа на поставленные временем вопросы: каково общественное предназначение исторической науки; ее цель и смысл; что собой представляют её объект, предмет и метод.

Процесс пересмотра научных представлений, совпавший по времени с началом рыночных отношений, одновременно совпадает и со значительным ростом квалификации преподавателей-гуманитариев. Это особенно заметно на примере ДВГУ, где только в последнее десятилетие XX вв. в преподавательский коллектив влилось более 50 молодых людей, окончивших аспирантуру и защитивших диссертации. Практически в этот же период на гуманитарных факультетах стали работать 25 докторов наук. К известным уже именам – докторам наук Э.В. Ермаковой и А.Ф. Печерице, присоединились такие известные сегодня своими трудами учёные, как В.Л. Ларин, Е.В. Верисоцкая, В.В. Совастеев, Д.Л. Бродянский, О.П. Еланцева и др. [4, с.474 – 517] Такие качественные изменения, естественно, не могли не сказаться на уровне научно-исследовательской работы: расширяется диапазон исследований, прежде всего в региональной проблематике, где исследуются исторические, политические, социальные, культурные и иные процессы, происходившие в прошлом на российском Дальнем Востоке и в зарубежных странах АТР, и имеющие место в настоящем.

Преподаватели и учёные ДВГУ принимали самое активное участие в межвузовских и международных конференциях и семинарах, на которых рассматривались важнейшие проблемы взаимодействия Российского Дальнего Востока с зарубежными странами. Достаточно назвать тематику некоторых международных конференций, чтобы убедиться в актуальности этих проблем: "Россия – Китай – Япония в Северо-Восточной Азии: проблемы регионального взаимодействия в XXI в." (2002 г.); "Аме-

риканистика в странах Тихоокеанского бассейна" (2002 г.); "США: опыт взаимодействия личности, общества и государства (к 230-ой годовщине принятия Декларации независимости) (2006 г.); "Российско-китайское взаимодействие в политике, экономике, культуре и образовании. Опыт. Проблемы. Перспективы" (2007 г.) и др. [1; 18; 19; 20]

Историческое направление занимает важное место на факультетах Института истории, философии и искусства, Института международных отношений АТР и Восточного института. Значительную помощь в публикации трудов историков оказывает основанный в 1999 г. и издающийся во ВИМО АТР ДВГУ научный и общественно-политический журнал "Азиатско-Тихоокеанский регион. Экономика. Политика. Право", а также МИОН – Программа Межрегиональных исследований в общественных науках, работающая в ДВГУ.

Сегодня перед учёными историками встают очень важные вопросы: какой национальной идеей должны они руководствоваться, каковы нравственный идеал и гражданская позиция, формируемые их деятельностью, какова мера ответственности учёных перед отдельной личностью и обществом в целом [13]. Однако, как это не парадоксально, мы не можем определённо ответить сегодня на эти вопросы, так как фактически не имеем ясного представления о том, какое общество мы строим – капитализм, государственный капитализм или что-то иное. Вот что говорил по этому поводу первый президент России Б. Ельцин в 1992 г.: "Мы не ведём Россию к капитализму, в какой бы то ни было форме. Россия просто не подходит для этого, Россия – уникальная страна. Она не будет ни социалистической, ни капиталистической". И не важно, верим ли мы в это; важно, что в это верит большинство россиян [Цит. по: 11, с. 126]. И как тут не вспомнить банальные строки Ф. Тютчева, написанные в XIX в., которые очень любят повторять сентиментальные российские интеллигалы и их сторонники на Западе: "Умом Россию не понять... В Россию можно только верить". Тем не менее, Россию можно понять умом и, соответственно, умно к ней подойти. Известный американский историк Стивен Коэн писал по этому поводу: "Для этого не нужно ни особых мозговых усилий, ни какой-то особой методологии или теории – только желание отбросить предрассудки и узнать как можно больше о российском прошлом и настоящем" [11, с. 85]. По-другому и не должно быть, ведь, как подчёркивал президент Д. Медведев: "Речь идёт о народе с тысячелетней историей, освоившем и цивилизовавшем огромную территорию. Создавшем неповторимую культуру. Мощный экономический и военный потенциал. Действующем на прочной основе выработанных, выстраданных, выверенных за века ценностей и идеалов" [14]. Эти ценности и идеалы не подвластны рынку, какие бы формы он не принимал, и именно на них должна обратить своё внимание историческая наука, ещё далеко не полностью использовавшая свой потенциал для ориентации граждан России в меняющемся мире, для помощи им в приспособлении к нему. В этом плане, на наш взгляд, образцом целенаправленного использования возможностей исторической науки, как одного из элементов духовной культуры, является наш сосед – Китайская Народная Республика.

Отец китайских реформ Дэн Сяопин неоднократно подчёркивал, что наряду с особым вниманием к созданию материальной культуры "необходимо создавать ещё и социалистическую духовную культуру", воспитывать высоконравственных, культурных и дисциплинированных людей. Интернационализм и патриотизм относятся к сфере духовной культуры [5, с. 23]. Дэн Сяопин осуждал вредное, как он выражался, поветрие "равняться во всём на звонкую монету", коммерческий подход к духовной продукции, социалистической идеологии и культуре и настоя-

тельно рекомендовал "воспитывать молодёжь на нашем историческом прошлом" [5, с. 42, 201].

Культуре посвящены специальные разделы в отчётных докладах на Пленумах ЦК КПК и съездах. В сформулированной Цзянь Цзэмином концепции "трёх представительств", которая на XVI съезде была включена в новый устав КПК, а в 2004 г. в ныне действующую Конституцию КНР, "передовая культура" занимает вторую позицию. По сути, это новая редакция концепции социалистической духовной цивилизации, которая предусматривает наряду с ростом материального благополучия граждан КНР, рост их образования и культуры, развитие науки. В настоящее время это положение активно разрабатывается китайскими обществоведами.

Задача – "поставить древность на службу современности" – практически выполнена, так как позволяет использовать цивилизационные ценности при решении крупных проблем проводимых реформ. Центральными из них являются – консолидация общества и обеспечение политической стабильности, что предполагает использование комплекса средств, особое место среди которых занимает культурное наследие. Именно оно стало важнейшим средством консолидации общества, воспитывающим "национальный дух" и патриотизм.

Воспитание "национального духа" и патриотизма в Китае ведётся настойчиво и целеустремлённо, с большим размахом, и государство не жалеет на это сил и средств. При этом основное внимание уделяется приобщению общества, особенно молодёжи, к истории, воспитанию исторической памяти. В Китае предпринимаются многочисленные переиздания основных исторических памятников и классики по другим отраслям традиционного гуманитарного знания. Наиболее важные работы переводятся на современный язык. Книжный рынок Китая наполнен огромным количеством научно-популярной исторической литературы, хорошо изданной, доступной по цене и рассчитанной на разный уровень подготовки читателей.

Сегодня все понимают, что историческая наука способна решить две наиболее актуальные и востребованные задачи: помочь старшим поколениям адаптироваться к произошедшим переменам и помочь младшим поколениям понять некоторые феномены ушедшей советской эпохи, тем более, что "демократические" комментаторы истории вообще не привыкли видеть в советском хоть что-нибудь хорошее. Первая задача важна потому, что от 75 до 85% россиян, опрошенных в 1999 и 2000 гг., сожалели о распаде СССР, а большинство из них считают брежневскую эпоху 70-х и начала 80-х гг. "золотым веком" [12]. Вторая – потому, что именно этим поколениям предстоит решать в недалёком будущем судьбу России, которая – как однажды тонко подметил известный журналист-международник и дипломат Александр Бовин – "не может выскочить из своей истории, подобно тому, как мы не можем выпрыгнуть из своей кожи" [См.: 21, р.225]. И действительно: какие бы изменения в сторону модернизации и вестернизации с годами не произошли, Россия не сумеет выпрыгнуть из своей кожи и уж точно не сумеет влезть в какую-либо чужую.

Необходимо исходить из того, что за годы существования "новой" России произошли глобальные изменения в политической, социально-экономической и культурной сферах, которые не могли не сказаться на сути общественного запроса, адресованного различным социальным институтам, в том числе образованию и исторической науке. И задача исторической науки – адекватно отреагировать на изменившейся запрос общества, сделать всё для сохранения как "уникального единства", так и "многообразия духовной общности и союза различных народов", насе-

ляющих Россию [10, с. 111].

Неплохо бы, чтоб и Родина это поняла. Самое время государству задуматься о централизованной политике по отношению к исторической науке. Руководители страны, говоря о программах до 2020 – 2025 гг., убеждают нас в том, что к этому времени Россия будет самой привлекательной страной для жизни. Но, как говорится, не хлебом единым жив человек, да и престиж государства, его долголетие определяется не только материальным достатком. Власти должны озаботиться духовным состоянием общества и каждого отдельного гражданина, если они желают видеть Российское государство сильным и процветающим. И здесь без гуманитарного образования и науки не обойтись. Литература и история – это предметы, которые во многом отвечают за формирование картины мира, без чего невозможно дать университетское образование, взрастить интеллектуальную элиту. И как справедливо подметил директор Института российской истории РАН Андрей Сахаров: "Нам сейчас было бы полезно вернуть свою историю во всех её выражениях, персоналиях, ситуациях, которые раньше искажались и замалчивались" [17].

Историческое прошлое должно стать надежной опорой российских реформ и данное обстоятельство представляет не только научный, но и практический интерес для нашей страны, которая так и не смогла определиться с национальной российской идеей. Однако, на наш взгляд, российская национальная идея кроется в самом российском народе, в его сути, делах и стремлениях. Это созвучно с мыслью нашего великого национального поэта А.С. Пушкина, писавшего в одном из своих стихотворений:

"Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село" [15, с. 79].

А рынок? Исторической науке и образованию он – не помеха. Всегда можно найти консенсус.



Литература

1. Американистика в странах Тихоокеанского бассейна. Программа и тезисы международной научной конференции. Владивосток, 28-30 марта 2002. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2002. 136 с.
2. Владивосток. 1997. 15 мая.
3. Владивосток. 1998. 11 июля.
4. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899-1999. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999. 704 с.
5. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая: Пер. с кит. М.: Политиздат, 1988. 256 с.
6. Известия. 2008. 1 ноября.
7. Известия. 2008. 30 сентября.
8. Комсомольская правда. 1998. 16 февраля.
9. Конституция Российской Федерации. М.: Юрайт, 1997. 48 с.
10. Концепция государственной национальной политики. М.: Горбачев-фонд, 2002.
11. Коэн Стивен. Провал крестового похода. США и трагедия

посткоммунистической России. Пер. с англ. М., 2001.

12. Независимая газета. 2000. 11 мая.

13. Никонов А.В. Национальная идея, нравственный идеал, ответственность историка и экспозиционера // Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. М., 2002. С.17-25.

14. Послание Президента РФ Федеральному Собранию / Российская газета. 2008. 6 ноября.

15. Пушкин А.С. Лирика. М.: Гослитиздат, 1963. 222 с.

16. Работа и учёба. 1998. 15-21 апреля.

17. Российская газета. 2008. 23 октября.

18. Российско-китайское взаимодействие в политике, экономике, культуре и образовании. Опыт. Проблемы. Перспективы. Материалы и тезисы докладов к Международному научно-исследовательскому семинару. Владивосток, 21-22 июня 2007 г. Владивосток, 2008.

19. Россия-Китай-Япония в Северо-Восточной Азии: проблемы регионального взаимодействия в XXI в. Материалы международной научной конференции, состоявшейся во Владивостоке 18-19 сентября 2000 г. Владивосток, 2000. 135 с.

20. США: опыт взаимодействия личности, общества и государства (к 230-ой годовщине принятия Декларации независимости). Материалы международной научно-практической конференции. Владивосток, 19-20 июля 2006 г. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2006. 247 с.

21. F. Cohen and Katrina van den Heuvel. Voices of Glasnost. New York, 1998.